

УДК 93/94

ВОПРОС О ЗЕМЛЕ В ДАГЕСТАНЕ В 1917–1920-е ГОДЫ

РАЗАКОВ Руслан Чупан-Магомедович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных, естественнонаучных и социальных дисциплин

КАСУМОВ Рамазан Магомедович,

доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин, Филиал Дагестанского государственного университета, г. Хасавюрт

АННОТАЦИЯ. В статье освещаются проблемы, возникшие в Дагестане при решении вопроса о земле, ставшего одной из главных причин революций 1917 г. В Дагестане при решении данного вопроса все политические силы, участвовавшие в борьбе за власть, испытывали определенные трудности. В частности, участники первого съезда горских народов Кавказа, не придя к единому мнению, переложили это решение на Учредительное собрание. Советская власть в силу определенных обстоятельств вынуждена была сохранять крупных землевладельцев в Дагестане вплоть до сплошной коллективизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Дагестан, вопрос о земле, советская власть, социалистические преобразования.

RAZAKOV SH.-M.,

Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of Humanitarian, Natural-Science and Social Disciplines

KAZUMOV R.M.,

Dr. Hist. Sci., Professor of the Department of Legal Disciplines, Branch of the Dagestan State University in Khasavyurt

QUESTION OF THE EARTH IN DAGESTAN IN 1917–1920 YEARS

ABSTRACT. The article covers the problems which have arisen in Dagestan upon solution of the question of earth – one of the main reasons of 1917 Revolution. Upon solution of this matter, all political forces participating in power race had difficulties with Dagestan. In particular, the participants of the first congress of Caucasus mountain people have shifted the solution of the matter to the Constituent Assembly without having come to a consensus. Soviet power owing to certain circumstances had been forced to keep large landowners in Dagestan up to continuous collectivization.

KEY WORDS: Dagestan, question of the earth, Soviet power, socialist transformations.

Вопрос о земле находился в центре внимания всех политических сил, действовавших в Дагестане в 1917 г., вследствие чего на первом съезде горских народов Кавказа в городе Владикавказе, состоявшемся с 1 по 10 мая 1917 г., где было объявлено о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, делегаты предприняли первую попытку решения одного из ключевых вопросов российских революций. Признавая в принципе, что земля должна принадлежать трудящемуся населению, съезд окончательное решение аграрного вопроса предоставлял Учредительному собранию. Вместе с тем съезд высказал пожелание, чтобы в отношении горцев-мусульман аграрный вопрос был разрешен согласно нормам шариата [1, с. 38]. В аграрной программе конституции «Союза объединенных горцев Кавказа и Дагестана» подчеркивалось, что земля должна принадлежать «трудящемуся населению» и до созыва Учредительного собрания, где предполагалось окончательное разрешение аграрного вопроса, провозглашалось право собственности горского населения на землю, леса и воды, занимаемые им.

С ноября 1918 г. и по апрель 1919 г. правительство Горской республики, занимаясь решением зе-

мельного вопроса, проводило учет казенных и частновладельческих земель, определяло количество земель у каждого сельского общества, площадь пригодных земель под различные культуры и т.д. Для обеспечения земель безземельных и малоземельных горцев намечалась передача им свободных казенных земель Крестьянского поземельного банка в пределах Горской территории, правда, во временное пользование до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием.

В основу решения аграрного вопроса большинство депутатов парламента Горской республики выдвигали идею социализации земли, но когда дело доходило до разработки аграрного законодательства, депутаты парламента и члены правительства откладывали его решение, считая, что закон о социализации земли практически осуществить невозможно. Однако после октябрьских событий, под давлением большевистских реформ правительство Горской республики решается на радикальные меры. В апреле 1919 г. парламента Горской республики предложил своему правительству разработать в кратчайший срок законопроект о передаче земли в руки трудящихся на основе социализации без нарушения норм шариата и создать парламентскую

комиссию для участия в работе правительственного законопроекта. Но в связи с тем, что Дагестан был оккупирован Добровольческой армией Деникина, проект закона так и не был реализован на практике.

События 1919–1920 гг. (восстание против Деникина) привели к установлению в Дагестане Советской власти и образованию Дагестанской АССР, вследствие чего Горская республика прекратила свое существование, а ее начинания остались на бумаге. За годы гражданской войны в Дагестане многие аулы подверглись разрушению. Только в Хасавюртовском округе из 217 населенных пунктов 116 были разрушены или покинуты жителями [2, с. 74]. Сельское хозяйство понесло большие потери, остро стояла проблема голода, во многих селениях люди питались кореньями и травами. Количество голодающих в некоторых округах достигло 80% всего населения [3, л. 303].

Общую обстановку в дагестанском ауле ярко характеризует содержание телеграммы Даггревкома в адрес ВЦИК от 12 сентября 1920 г.: «... трехлетняя тяжелая гражданская борьба до того истощила Дагестан, что горская беднота питается травой, продает своих детей, разводится с женами». Полное отсутствие мануфактуры вынуждало горцев одеваться в шкуры, а женщин сидеть по домам. На этой почве развивались болезни, люди умирали. Вспаханное поле оставались незасеянными из-за отсутствия семян.

Дагестан, в отличие от центральных областей России, избежал большевистских экспериментов периода «военного коммунизма», однако по мере усиления советской власти руководство стало опираться на букву марксизма и применило классовый подход в реализации задач социалистического строительства, что в итоге привело к восстанию под руководством Н. Гоцинского.

Исходя из сложившейся ситуации, советское правительство в начале 1920-х гг., учитывая неоднозначное отношение местного населения к большевикам и обстоятельства утверждения Советской власти, шло на значительные уступки в Дагестане. Не случайно в письме к коммунистам Кавказа В.И. Ленин рекомендовал им проводить осторожную, гибкую политику, опираясь не на букву, а на дух марксизма, выработать самостоятельную тактику с учетом местных особенностей [4, с. 74].

Определенные трудности при переходе к социалистическим формам хозяйствования в Дагестане Советская власть испытывала в связи с наличием у населения большого количества огнестрельного оружия, о чем свидетельствуют приказ № 65 от 11 марта 1922 г. по гарнизону г. Буйнакск, в котором указывалось, что всюду наблюдается ношение и хранение частными лицами огнестрельного оружия военного образца, в связи с этим всем без исключения предписывалось в недельный срок сдать оружие. За неисполнение приказа предусматривалось привлечение граждан к высшей мере наказания – расстрелу [3, л. 131]. Но, не смотря на чрезвычайные меры по изъятию оружия, население расставаться с ним не торопилось.

Столкнувшись с трудностями при исполнении приказа, командир 13-й Дагестанской дивизии требовал у ДагЦИКа: «Необходимо организовать отобрание оружия при посредстве воинских частей, а потому прошу соответствующих распоряжений Наркомвнуделу, Главмилиции, военкоматам» [3, л. 128]. Учитывая тот факт, что органы ОГПУ запасы оружия в Дагестане к тому моменту оценивали в

100 тысяч стволов, разоружению местного населения придавалось огромное значение [5]. К тому же в докладных записках ответственных работников отмечалось, что власть на местах фактически принадлежала не сельским советам, а муллам и старейшинам, без одобрения которых не проводилось в жизнь ни одного постановления Центра. Безусловно, такое положение не могло продолжаться вечно.

После проведенной в августе 1925 г. операции по разоружению Чечни руководство Северо-Кавказского края решило провести такое же мероприятие и в Дагестане. Главными задачами операции назывались: изъятие оружия, ликвидация производства боеприпасов и арест антисоветских элементов. К операции были привлечены 2-я, 22-я и 28-я стрелковые и 5-я кавалерийская дивизии, сводный национальный кавполк, автобронедивизион, окружная военно-политическая школа, две школы ГПУ, авиационные части общей численностью около 16 тысяч человек, 350 пулеметов, более 30 орудий, 6 бронемашин, бронепоезд и 18 самолетов. В первую очередь войска должны были разоружить Даргинский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский округа, а затем приступить к остальным [5]. 1 сентября границы Дагестана были блокированы войсками Кавказской армии Чеченского и Терского отделов ОГПУ, а 4 сентября населению предъявили требование сдать оружие в течение 48 часов [5].

Разоружение подавляющей части населения позволило Советской власти приступить вскоре к ограничению прав крестьянства Дагестана. Первым шагом в этом направлении можно считать принятие постановления ЦИК и СНК ДАССР от 14 апреля 1927 г. «О выселении бывших помещиков из их имений», так как начата в 1920 г. ликвидация помещичьего землевладения на деле не была проведена. Республиканской комиссией по выселению помещиков были рассмотрены дела 116 из учтенных 204 хозяйств. Из них 58 хозяйств было оставлено на месте с сохранением имущества и земли, необходимых для ведения трудового хозяйства, 7 хозяйств оставлено на месте прежнего жительства без какой-либо конфискации имущества, у 109 хозяйств было конфисковано около 40 тыс. га земли и много другого имущества [2, с. 28].

Несмотря на эти шаги, значительная часть помещиков сохраняла дореволюционные размеры хозяйств. Так, в предгорном Кюринском округе, в селении Кандик, в 1927 г. не был выслан помещик Хан-Магомедов, имевший 44 дес. пашни, 22 дес. сенокоса, 1800 дес. пастбищ, 50 лошадей, 25 коров, 8 быков, 8 буйволов, 8 буйволиц и 1500 овец. В том же округе помещик Риза-Арджанов имел 70 дес. пашни, 70 дес. сенокоса, 80 лошадей, 80 коров, 1500 овец, 12 буйволов и буйволиц [4, с. 86]. Янгильбиев Элиби располагал 10 га земли, сам жил в селении Баммат-Бек-Юрте, а землю сдавал в аренду. Заираев Алхан имел 20 га земли, в том числе 3 га леса [6, л. 15].

Положительную роль в решении аграрного вопроса в Дагестане в данный период могла иметь земельно-водная реформа. Но ввиду того, что Советская власть при решении аграрного вопроса руководствовалась классовым подходом, ее реализация не принесла желаемых результатов. VI Вседагестанский съезд Советов в апреле 1927 г. указал на необходимость проведения в Дагестане земельно-водной реформы, осуществление которой было вызвано, прежде всего, дефицитом земли. Первоначально предполагалось, что на освободившиеся земли будет пере-

селена безземельная часть горского крестьянства, но вскоре ввиду того, что государство не могло обеспечить финансирование проекта в той мере, как было запланировано первоначально, к середине лета 1928 г. произошла эволюция идеи реформы в соответствии с новыми установками.

План земельно-водной реформы предусматривал: снятие части населения с гор и предгорий, расселение в горах и предгорье; отвод пастбищ населению горных районов с кочевой формой животноводства и перевод на оседлость кочевников-караногайцев. Для исполнения этого предполагалось переселить на плоскость 11760 хозяйств, переселить на плоскость в совхозы в качестве постоянных сельскохозяйственных рабочих 5200 хозяйств, расселить в горах и предгорьях 2120 хозяйств, предоставить скотоводческим горным районам пастбищные участки на плоскости для 15800 хозяйств, перевести на оседлость кочевников 2590 хозяйств. Всего мероприятия должны были затронуть 37470 хозяйств [7, с. 195].

Значительным событием в ходе земельной реформы явилось строительство в 1927 г. крупнейшего канала им. Октябрьской революции протяженностью 70 верст. Не умаляя важности данного события, необходимо отметить, что ввиду того, что к строительству канала были привлечены значительные силы, организаторы стройки не смогли обеспечить строителей элементарными условиями быта. Среди последних широкое распространение получили разного рода болезни (типа педикулеза и малярии), вследствие чего многие строители умерли в процессе стройки, часть из погибших была похоронена тут же.

Выполняя постановления партии и правительства, в 1928–1932 гг. с гор на плоскость в конечном итоге было переселено более 6300 семей, благодаря чему на плоскости появились села: Гурбуки, Шамшар, Манас, Джанга и др. [8, с. 46].

Колхозное строительство продвигалось в Дагестане очень тяжело. До 1928 г. по Дагестану в Наркомземе было зарегистрировано 189 колхозов. Колхозы быстро организовывались, но также быстро и незаметно ликвидировались. Не получив надлежащего руководства и поддержки, они не могли справиться со всеми трудностями борьбы за свое существование и распадались. «Живых» колхозов насчитывалось 87. Колхозы в большинстве случаев выполняли одну хозяйственную функцию (обработку земли) и потому большая их часть представляла собой артели по совместной обработке земли [9, с. 56–58].

После XV Съезда партии, определившего курс на социалистическую переделку сельского хозяйства, ЦК партии по отчету Дагестанского обкома наметил план укрепления существовавших колхозов и рекомендовал организовать полеводческие колхозы на плоскости и животноводческие – в горах [4, с. 104].

Государство оказывало крестьянам и коллективным хозяйствам определенную материальную поддержку. Через соответствующие союзы Сельскохозяйственный банк снабжал население предметами первой необходимости, открывал им кредиты. Только за три года (1927–1929) общая сумма сельскохозяйственного кредита, полученного населением у банка, составила около 10 млн. руб. [4, с. 105]. Однако зачастую ссуды выдавались зажиточным крестьянам, что, скорее всего, было связано с их лучшей платежеспособностью. Так, в Кизлярском сельскохозяйственном товариществе кредиты выдавались в первую очередь середнякам и зажиточным

и в последнюю – бедноте. В связи с этим караногайцы аула Махмуд жаловались: «Получаемые ссуды выдаются зажиточным и кулакам, а нам отвечают, что кредиты вам доверять нельзя» [10, с. 70–71].

Такое положение наблюдалось почти во всей сети кооперации Дагестана. Считая подобное недопустимым ввиду того, что основное внимание и поддержку советская власть должна была оказывать беднейшей части крестьянства, Дагестанский комитет ВКП(б) предложил в наикратчайший срок положить этому конец, обратив внимание на проведение следующего:

1. Срочно приступить к взысканию просроченных ссуд от зажиточного кулацкого элемента.

2. При распределении производственных кредитов как в денежной форме, так и в натуральной (в виде сельхозмашин, орудий, семян и т.п.) строго придерживаться классового принципа, кредитую исключительно колхозно-бедняцкое и середняцкое крестьянство.

3. При кредитовании бедняков ни в коем случае не допускать поручительства за них вообще, и в особенности со стороны зажиточных и кулаков, так как это обстоятельство дает возможность кулачеству своим поручительством закабалить бедняков.

4. При кредитовании бедняцких хозяйств необходимо иметь в виду их индивидуальные особенности, и в случаях, вызывающих сомнение, ссуды нужно выдавать под залог того имущества, на приобретение которого она спрашивается. Следует также выдавать ссуду бедноте по ручательству крестьян.

5. Совершенно прекратить кредитование зажиточно-кулацких групп, а также не допускать открытого их кредитования путем выдачи в кредит сельхозмашин и орудий, превращение кормовых средств в долгосрочное кредитование и т.д. [11, с. 92–93].

Тем самым государство обозначило приоритеты своей аграрной политики в данный период. Отношение к зажиточному крестьянству ухудшилось еще и потому, что зимой 1927/28 гг. советское руководство столкнулось с кризисом хлебозаготовок. Возникшие трудности хлебозаготовительной компании Сталин объяснил нежеланием крестьян под влиянием кулаков давать хлеб городу. Для выхода из создавшегося положения Сталин и его сторонники в Политбюро прибегли к мерам, напоминающим продрозверстку времен Гражданской войны. В деревню были направлены «оперуполномоченные» и «рабочие отряды» (30 тысяч коммунистов), которым было поручено найти спрятанные излишки, заручившись поддержкой бедняков, получавших 25% от изъятого зерна [12, с. 201].

В целях более успешного исполнения директивы ЦК ВКП(б) по заготовке хлеба 4 января 1928 г. Г. Ягода издает распоряжение работникам ОГПУ о производстве арестов наиболее крупных частных хлебозаготовителей и наиболее злостных хлеботорговцев (последних в небольшом количестве), срывающих конвенционные заготовительные и сбытовые цены, равно тех, которые нарушают правила экономического регулирования на транспорте и другие правила торговли [13, с. 136]. Исполнение данного распоряжения вызывало недовольство среди крестьянства, так как действия работников аппарата носили нередко характер произвола (насилованное принуждение к вывозу хлеба, приобретению займа и т.п. путем избиений, угроз оружием, высылкой, арестом ОГПУ и т.д.). Имелись фак-

ты проявления подобных незаконных действий даже по отношению к семьям красноармейцев, что вызвало сильное недовольство среди них [13, с. 231].

В целях успешного проведения коллективизации власти мобилизовали на места 25 тысяч рабочих (так называемых «двадцатипятипятитысячников») в дополнение к уже направленным ранее в деревню для проведения хлебозаготовок. Как правило, эти новые мобилизованные рекомендовались на посты председателей колхозов [12, с. 210].

Итак, осторожность властей в решении аграрного вопроса в Дагестане объяснялась неоднозначной общественно-политической ситуацией в регионе: так, многие вопросы организации местного само-

управления в большинстве своем фактически не находились в руках местных советских органов власти. Сдерживающим фактором при решении вопроса о земле по коммунистическим принципам являлось мусульманское духовенство, которое, пользуясь своим влиянием на обширные слои крестьян, вело агитацию против изъятия вакуффов, вследствие чего крестьяне отдельных аулов отказывались от получения вакуфного имущества или же, получив его, возвращали обратно. В связи с этим радикально вопрос о земле в Дагестане был решен лишь в ходе сплошной коллективизации, когда подавляющее большинство крестьянских хозяйств вошла в колхозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана 1917–1918 гг. [Текст] // Горская Республика 1918–1920 гг. Сборник документов и материалов. – Махачкала, 1994.
2. Османов, А.И. Переход к НЭПу в Дагестане и некоторые его особенности [Текст] / А.И. Османов // Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Дагестане. – Махачкала, 1976. – Вып. 2.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). – Ф. 1-п. – Оп. 1. – Д. 301.
4. Даниялов, А.Д. Строительство социализма в Дагестане [Текст] / А.Д. Даниялов. – М., 1978.
5. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1917–1922 гг. – М., 1998. – Т. 1
6. ЦГА РД. – Ф. 1-п. – Оп. 1. – Д. 2551.
7. Разаков, Р.Ч.-М. План Земельной реформы – трудности реализации [Текст] / Р.Ч.-М. Разаков // Наука и социальный прогресс Дагестана. Сб. статей. – Хасавюрт, 2006.
8. Курбанов, М.Р. Дагестан: депортация и репрессии [Текст] / М.Р. Курбанов, Ж.М. Курбанов. – Махачкала, 2001.
9. Из статьи в журнале «Плановое хозяйство Дагестана» о первом совещании представителей колхозов Дагестанской республики [Текст] // Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР 1927–1940 гг. – Махачкала, 1976.
10. Из информационной сводки Дагобкома партии в ЦК ВКП (б) о состоянии сельскохозяйственной кооперации в республике // Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР 1927–1940 гг. – Махачкала, 1976.
11. Постановление ЦИК ДАССР о помощи крестьянской бедноте в организации простейших производственных объединений и колхозов // Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР 1927–1940 гг.
12. Верт, Н. История Советского государства [Текст] / Н. Верт. – М., 2003.
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Май 1927 – ноябрь 1929. – М., 1999. – Т. 1.